

Михась Печерица — рядовой третьей роты — не чуял под собой ног. Он шёл по родным местам, шёл на запад. Тяжело было видеть разорённые города и сёла Белоруссии. Но враг, разгромленный под Витебском, Бобруйском и восточнее Минска, бежит без оглядки, и впереди ждёт Михася родной дом.

Стоял жаркий июль 1944 года. Солдаты третьей роты, вытянувшись в две длинные цепочки, устало брели по обочинам просёлочной, но очень оживлённой дороги. Дорога стелилась меж полей, зеленевших сорняками и редкими посевами. По ней катились повозки полкового обоза; проезжали, надрывно гудя, требуя, чтобы обозники уступали дорогу, грузовики.

— Дышать нечем от пылици, — ворчал сосед Михася Печерицы, высокий и худой Василий Ивлев, и утирал рукавом со лба пот.

Михась Печерица только улыбался в ответ. Ему повезло. Он шёл по родному району. Был уверен, что хоть на часок, но заглянет в своё село. Ведь рота держит путь прямо на Бобовню. А не доходя этого городка — его Клиничи. Три года как покинул их Михась. А три года — не шутка. За это время Михась не раз бывал на волосок от смерти, дважды получал в бою

тяжёлые раны, успел залечить их, успел и навоеваться досыта — насидеться в землянках и траншеях, находиться по разбитым дорогам, натерпеться и насмотреться такого, что никогда не забывается. Но не в нём дело. Как там сейчас родные Клиничи, как старики — отец, мать?

Старался отогнать от себя страшные мысли. Хотелось верить, что впереди только хорошее...

На очередном большом привале, в запущенном вишняке разрушенного войной села, Михась Печерица заменил на своей пилотке маленькую звёздочку большой звездой; приладил под погоны тонкую проволочку, чтобы они выглядели ровными, аккуратными; вынул новый кожаный ремень, который долго носил в своём вещевом мешке. Михасю хотелось войти в родное село принаряженным, бравым, похожим на командира. Даже снял часы с руки — подарок отца — и тщательно протёр их платочком.

Василий Ивлев, лёжа в тени старой вишни, молча наблюдал за хлопотами Михася и улыбался.

— Хочешь, попрошу у нашего генерала фуражку напрокат? — спросил он.

— Не хочу...

— Ну, машину? Легковую!.. То-то удивятся твои земляки!..

— Отстань! Дойду без машины. Меньше бы только привалов было.

— Ишь, какой прыткий! — засмеялся Ивлев. — До твоих Клиничей ещё два дня ходу. Неужели готов без передышки шпарить?

— Так разве это много? — удивился Михась. — Три года топал к ним. А два дня — не срок, не расстояние.

Но Михась кривил душой. Каждый час ему казался долгим и нудным. Он то и дело вздыхал и с завистью поглядывал на проезжавшие мимо грузовики.

Раздалась команда: «Становись!» Торопливо надевая вещмешок, скатку, Михась заметил в траве чехол для лопатки. Может, и не обратил бы внимания на тот чехол, если бы он был обычный — брезентовый. Но чехол, который валялся на траве, оказался кожаным, куда лучше, чем у Михася. Михась подобрал его и, когда рота снова зашагала по обочинам дороги, внимательно стал рассматривать находку.

«Самодельный, что ли?» — недоумевал он. Попробовал вложить в него лопатку. Кажется — в аккурат! Только петля для ремня немного длинновата. Лопатка больше обычного болталась на ходу. Но это сущий пустяк. И Михась, оглядев свой старый, потёртый верхними загибами лопатки брезентовый чехол, без сожаления зашвырнул его в бурьян.

— Пан Печерица! Чего сердисься? — крикнул, погоняя лошадей, ездовой Пётр Козев, у которого над ухом просвистел летящий чехол.

...Один, второй, третий привал позади. Солнце начало клониться к горизонту, но жара всё ещё стояла нестерпимая. Трудно было пошевелинуть языком в пересохшем рту, на зубах скрипел песок. А фляга была пустая.

Уже ни о чём не хотелось думать. Даже мечты, всегда сопровождающие солдата в походе, когда нужно долго и молча шагать в строю, теперь не волновали Михася. Позади — далёкий, пройденный пешком путь. Спать приходилось мало. И усталость невероятной тяжестью наваливалась на Михася. Лямки вещмешка, ремень винтовки всё больше впивались в плечи; скатка казалась как никогда громоздкой и неудобной. Много хлопот доставлял поясной ремень, на который были надеты сумка с гранатами, фляга, чехол с лопаткой. Туго затянешь его — дышать нечем, ослабишь — вниз ползёт. Даже часы на руке казались тяжёлыми.

Михась покосился на своего дружка Василия Ивлева. Он шагал рядом, высокий, молчаливый, согнувшийся под тяжестью боевой выкладки. Как и у Михася, гимнастёрка его потемнела от пота на плечах, на спине, а по обе стороны впившегося в плечо ружейного ремня сверкали мельчайшие кристаллики соли.

Ещё осталось позади несколько километров. А жара не спадала. Но больше всего мучений причиняла лопатка. Найденный чехол оказался большим, петля, в которую продет ремень, — слишком длинная. И черенок лопаты в такт каждому шагу больно бил по ноге. Правда, боль почувствовал Михась только теперь. Раньше удары черенка казались пустяковыми.

Михась начал подсчитывать в уме, сколько же раз ударил его черенок. От вишняка, в котором останавливались на большой привал, отошли километров двадцать. Каждый

километр — тысяча метров, каждые два метра равны трём Михасевым шагам.

Михасю стало не по себе: каждый пройденный им километр означал полторы тысячи ударов по ноге!.. А если умножить на двадцать!

В глазах Михася потемнело. Ему показалось, что нога его одеревенела и тихонько гудит под ударами черенка, вот-вот треснет. Десятки иголок пронизывают тело.

Ещё шаг, второй — и Печерица свернул в сторону. Сел в придорожный кювет на запылённую траву.

Мимо Михася шли всё новые отделения, взводы. Вот уже клубится пыль под ногами солдат четвёртой роты... Михась с трудом поднялся, проковылял шагов двадцать и остановился; проклятый черенок ещё немилосерднее лупил по ноге.

Солдат растерянно посмотрел вокруг. Он понял, что не догнать ему своё подразделение. И неожиданно в одной из проезжавших повозок увидел Петра Козева — немолодого солдата из своей роты. «Так это же наша повозка!» — обрадовался Михась и окликнул Козева.

— Что, пан Печерица, поотстал малость? — спросил тот.

Михась обычно огрызался на шутки Козева. А сейчас вместо ответа цепко ухватился за край повозки и молча пошёл рядом с ней.

— Садись, подвезу трохи, — предложил Козев.

«Это уж дудки! — подумал Михась. — Все идут, а меня, как барышню, в карете... Засмеют хлопцы...»

Но тут у него возникла другая мысль:

«А что, если лопатку положить в повозку? Догоним фашиста, сразу и заберу её».

— Дядько Петро, удружи, — попросил Михась, — чехол лопатки у меня неисправен. Замучил черенок солдата. Припрячь-ка лопатку, потом отдашь...

Ночь настигла третью роту недалеко от переправы через довольно широкую речку.

Михась Печерица лежал на обочине дороги, наслаждаясь отдыхом и мечтая о той счастливой минуте, когда придёт он в родное село. Вокруг него слышались в темноте приглушённые разговоры, раздавалось покашливание, вспыхивали светлячки

папирос. Третья рота дожидалась своей очереди идти через мост.

И вдруг яркие вспышки озарили поле, дорогу, реку. Загрохотали тяжёлые взрывы...

Как очень часто бывает на войне, случилось непредвиденное. К этой же самой переправе устремились из недалёкого леса вырвавшиеся из окружения остатки фашистской группировки. Враг под прикрытием миномётного и пулемётного огня надеялся смять двигавшиеся по дороге подразделения советских войск, завладеть переправой и проскочить на западный берег речки.

Воздух наполнился знакомым воем мин. Над головой Михася с шипением пронеслись осколки. Одновременно со стороны леса ударили пулемётные очереди, и над полем скрестились огненные нити трассирующих пуль.

На дороге слышались команды, выкрики, стоны раненых.

— Чего к земле прирос? — в самое ухо крикнул Печерице Василий Ивлев. — Вперёд!

Михась понял, что «вперёд» — это не вперёд через мост, к родным Клиничам, а почти назад, где появился враг. Он только сейчас заметил, что солдаты его отделения, как и всей роты, развернувшись в цепь, побежали к лесу. Ещё минута, и их полусогнувшиеся фигуры растворятся в темноте.

Михась вскочил на ноги и устремился вслед за Ивлевым, навстречу вспышкам выстрелов, светлячкам пуль, сердито взвизгивавшим у самого уха. Уставшие ноги спотыкались о кочки, скользили по траве. Дорога осталась далеко позади, а Михась всё бежал. Он уже догнал развернувшуюся цепь роты, снял с предохранителя курок и, на миг оставившись, стрелял в темноту. Он понимал, что врага нужно задержать, оттеснить от переправы, сковать боем, а потом разгромить. Иначе не пройти ему в Клиничи. У Михася не было страха, хотя он знал, ощущал всем телом, что любой из пролетающих в темноте светлячков может угодить в него и потухнуть вместе с его, Михасевой, жизнью. По правде говоря, ему не верилось, что так близко от родного села, от той минуты, когда распахнёт он знакомую дверь, его может сразить пуля.

Рота залегла на ровном поле. Дальше двигаться нельзя — противник стреляет в упор. В небо то и дело взмывают, оставляя огненные следы, ракеты и затем ослепляют ярким светом всё живое.

По цепи передали команду: «Окопаться!» Михась отполз немножечко в сторону за кусты полыни, выбирая лучшее место для наблюдения, затем привычно потянулся правой рукой за лопаткой... И только тут он вспомнил, что его малая сапёрная осталась в повозке Петра Козева.

А враг словно догадался, что солдату Печерице нечем окопаться. Пули всё гуще начали долбить вокруг землю, осколки с шипением вычерчивали борозды.

Михась надеялся, что скоро последует команда «Вперёд!», и тогда не придётся окапываться. Но такой команды не было. Да и сам он начал понимать, что рота сблизилась с противником и атаковать, не разведав его сил, бессмысленно.

Михась отполз в сторону, потом перебежал чуть вперёд и уткнулся головой под другой куст полыни. Надеялся отыскать поблизости воронку. Но где её найдёшь, когда поле большое, а мины и снаряды ложатся позади цепи?

Никому, наверно, из солдат никогда не хотелось, чтобы снаряд упал поближе к нему. А Михасю первый раз в жизни захотелось: ему нужна воронка. Но разве можно укрыться от смерти под полой смерти?!

Справа и слева от куста полыни вскидывались вверх фонтанчики земли. Это окапывались товарищи. Эх, узнали бы они, что бывалый солдат Михась Печерица дал такого маху: пошёл в бой без лопатки. Ведь лопатка в бою — что ложка за обедом...

Попробовал почву руками. Твёрдая, давно не паханная. И тут его осенило: нож! Он достал свой перочинный нож, открыл его и торопливо начал ковырять впереди себя, вырезать квадратики земли и выворачивать их пальцами.

А враг бесновался. Видимо, на опушку леса выходило всё больше гитлеровцев: пулемётный огонь усиливался. Михась понял, что ножом ему не окопаться.

«Неужели убьют?» — впервые мелькнула в голове мысль. Огляделся. Товарищи продолжали зарываться в землю, а он, невидимый за полынью, лежал беспомощный, растерянный. Ещё одна мысль пришла ему в голову. Михась быстро снял с

винтовки штык и принялся ковырять им землю. Дело пошло быстрее. Он чувствовал, как горят его руки, как лопается на них кожа, но, прикусив губу, продолжал копать впереди себя и выгребать пальцами землю.

Если бы кто раньше сказал Михасю, что штыком можно окопаться, как и сапёрной лопаткой, он ни за что не поверил бы... А вот же окопался.

Утро встретил Михась в глубоком окопе. Солдат был готов к отражению вражеской атаки, но далеко не спокоен. А если опять команда «Вперёд»? Неужели снова придётся окапываться штыком?

Михась знал, что нужно доложить о своём положении командиру отделения. Но стыд жёг его щёки, и он медлил, откладывая доклад с минуты на минуту.

Вдруг он увидел, что недалеко от его окопа ползёт незнакомый солдат в окровавленной на правом плече гимнастёрке.

— Браток! — позвал Михась раненого.

Но солдат не слышал. Тогда Михась, невзирая на обстрел, выбрался из своего окопчика, в несколько шагов настиг раненого и упал рядом с ним.

— Браток! — прямо в ухо ему горячо зашептал Михась. — Отдай мне лопатку, зачем она тебе в санбате?

Раненый удивлённо поднял брови на бледном, покрытом капельками пота лбу, не понимая, что от него хотят.

— Лопатку, оставь лопатку!..

— Ну нет. Это имущество казённое. Как отчитаюсь? Да и мне пригодится... Перевяжусь — и вернусь в цепь...

Михась умолк, не зная, что ответить. А солдат ждал, пока тот уступит ему дорогу.

— Браток, — опять зашептал Михась, — дай, браток. Возьми мои часы за это. Почти новенькие, батька подарил... — Михась торопливо отстегнул часы и сунул их к глазам раненого.

Солдат оторопело смотрел на ярко сверкавшие часы, потом посмотрел в лицо Михасю и сказал:

— Без надобности мне чужие часы. Дай дорогу... — но потом, подумав, добавил: — Ладно, отстёгивай лопатку, вояка. А подарок батьки беречь надо...

Бой кончился. Через переправу потянулись колонны нашей пехоты, которой после стычки с «бродячим котлом» охот-

но уступали дорогу обозы. И шофёры на своих грузовиках уже так не рвались вперёд.

А третья рота, принявшая на себя основной удар гитлеровцев, расположилась на опушке леса. Солдаты, рассевшись на траве, одни чистили оружие, другие гремели котелками, готовясь к завтраку. На лесной дороге дымилась кухня.

Со стороны походной кухни показался Пётр Козев. В руках он держал малую сапёрную лопату. Увидев Михася Печерицу, колдовавшего под кустом орешника над своим вещмешком, Козев повернулся к нему спиной и, обращаясь к солдатам, громко спросил:

— Кто может сказать, где пребывает сейчас пан Печерица?! Михась вскочил на ноги, подбежал к Козеву.

— Дядько Петро, — зашептал он, — это между нами... Давайте лопату.

Козев вручил Михасю малую сапёрную, что-то ещё хотел сказать, но, встретившись взглядом с глазами Печерицы, только крикнул и промолвил:

— Так-то оно...

Василий Ивлев, вытянув свои длинные ноги, лежал на боку и с усмешкой наблюдал, как Михась отпарывал, а затем снова пришивал к кожаному чехлу лопатки петлю, которая надевается на ремень. Ивлеву была известна история, приключившаяся с Печерицей ночью. Михась не удержался — рассказал всё дружку.

— Обе будешь таскать? — спросил он у Михася.

— А то как же? — удивился Печерица. — Объявится хозяин, вернуть нужно.

И он начал подгонять снаряжение — надел ремень с двумя лопатками, подсумками, гранатной сумкой, приладил за спиной вещмешок, взялся за скатку.

— На верблюда похож, — хмыкнул Ивлев. — А почему ж командирский ремень спрятал?

— Ни к чему он мне, — хмуро ответил Михась. — Солдат должен быть солдатом.